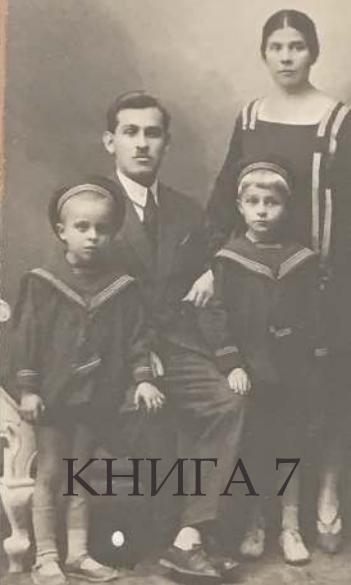

*Разные судьбы,
одна история*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление.....	3
От участников проекта.....	5
Нелли Давидовна Золотова.....	7
Рафаил Львович Питкин.....	21
Владимир Саулович Гантман Валентина Львовна Гантман	29
Юлия Семеновна Файнберг.....	37
Ефим Абрамович Миллер.....	41

INTRODUCTION

The academic year 2017-2018 has marked the seventh anniversary of the project "Individual Lives, A Common Story." The project is based on a partnership between Brandeis University and Hebrew Rehabilitation Center, and involves Brandeis students collecting oral histories of Russian-speaking elders. This experiential learning project is supported by professor Irina Dubinina, director of the Russian language program at Brandeis University. Throughout this academic year, three students and a community volunteer have come to HRC to hear life stories of six senior participants, to learn from them about the life in the former USSR and World War II, and sometimes simply to be a companion to their elderly friends. Volume 7 features oral histories of these six interviewees.

The following Brandeis students participated in the project: Emil Koenig'18, Michael Barats'18, and Daniel Shpilsky'18. In addition, the project benefited from the services of a community volunteer Natalia Dubinina, who also conducted interviews, and the Fulbright Russian Language Teaching Assistant, Katerina Rudykh, who assisted with transcription and editing. The oral histories recorded by the

students and volunteers include tales of a pre-war childhood, of adolescence during WWII, of Nazi bombings, of escaping the advancing Nazi armies, of mandatory evacuation from Moscow and Leningrad, of life in an orphanage, of hunger during the war and the first post-war years, of hard labor, of life's joys and challenges, of the births of children and grandchildren, of love and dedication to one's profession, and of emigration. A major theme that is visible in all stories is the affect of the Great Patriotic War (the part of WWII fought largely on the Soviet territory) on the lives of the generation born in the 1920s and 30s. All interviewees in this book were children or adolescents at the start of the war, and their lives are marked by the destruction, dislocation and loss the war brought to civilians.

For students and volunteers, oral histories serve as illustrations to the dry historical facts they learned at school, but often these stories teach them something they were not even aware of before the start of the project. We are grateful to all participants of the project and hope that this collection of life stories will serve as a proof of the late Evgeny Evtushenko's words that "there are no uninteresting people in the world; the life of each individual is like a history of a planet."

The Oral Histories Project is carried out by students and faculty at Brandeis University. The publication of life stories is made possible by the Adam and Matan Adelson Multigenerational Program at Hebrew Rehabilitation Center in Roslindale, MA.

Hebrew
Rehabilitation Center
Hebrew SeniorLife

Brandeis University

HARVARD MEDICAL SCHOOL
AFFILIATE

От участников проекта «Разные судьбы, одна история»

Michael Barats

I am honored to have the opportunity to collect and share the wisdom and stories of these heroic people. It is important to record, save, and pass on their experiences for many generations ahead of us. Putting these stories together inspired me to strive to make a change in the world.

Emil Koenig

As somebody who grew up in both Russia and the U.S., I was exposed to Russian and American narratives. This project allowed me to learn in more details about the experiences of Soviet citizens during and after the war. I am grateful to my interviewees, Vladimir and Valentina Gantman for the stories they told me.

Daniel Shpilsky

Я очень благодарен, что у меня была возможность участвовать в программе "Устные истории". Ефим Миллер рассказал мне много интересного и нового про жизнь в Литве и про войну. Кроме того, он показал мне замечательный пример того, как поддерживать хорошие семейные отношения и как смотреть позитивно на любые жизненные испытания. Я считаю этот проект очень важным. Истории этих людей не должны быть забыты.

Natalia Dubinina

В этом проекте я участвую второй год. Участие в нем крайне важно для меня. Я много читала про войну, смотрела фильмы, но это никогда не заменит того, что тебе могут рассказать свидетели тех страшных событий. Я бесконечно благодарна Нелли Давидовне за рассказанную историю и всем участникам проекта за этот жизненный опыт.

Нелли Давидовна Золотова

Записано Натальей Дубининой

Нелли Давидовна

Нелли Давидовна родилась 7 января 1931 года в Москве. Ее отец, Аграновский Давид Вольфович, был родом из Украины (г. Короп Черниговской области), а мама, Нина Ефимовна Тайцель, родилась в Белоруссии (г. Шклов). Оба родителя закончили Московское высшее техническое училище (сейчас Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана), где они и познакомились. По профессии работал только отец (он был инженером), а мама много болела после рождения детей, поэтому ушла с работы и была домохозяйкой. Папа Нелли Давидовны воевал в Первой мировой и в Гражданской войнах, был ранен и имел воинское звание командира, но не любил говорить об этом. Во время Гражданской войны одним из командиров отца был Василий Блюхер. Отца приглашали пойти в

Военную академию после войны, предлагая повышенную зарплату и отдельную квартиру, но он отказался, несмотря на то, что материальный достаток семьи не был высоким. Со временем оказалось, что он принял правильное решение, потому что всех его товарищей, которые после Гражданской войны закончили академию, расстреляли в 30-ых годах, и сам Блюхер был арестован по обвинению в антисоветском заговоре и умер в тюрьме. Демобилизовавшись после Гражданской, отец поехал на учебу в Москву в возрасте около 30 лет. Мама, младше отца на 12 лет, сначала закончила гимназию на Украине, а потом тоже переехала в Москву, чтобы учиться в Бауманском училище.

Родители Нелли Давидовны официально зарегистрировали брак уже после того, как прожили много лет вместе и родили двоих детей. «После войны начали требовать документы, порядки изменились, и они расписались. А в 1920-ые годы вообще не было ни расписок, ни ЗАГСов; люди сходились, жили вместе, расходились... Это был период свободных отношений. Мои родители остались вместе, большинство других разошлись».

У Нелли Давидовны есть сестра Алла, младше ее на 4 года. Она до сих пор живет в Москве, но сестры не общаются. Алла закончила Московский инженерно-строительный институт им. Куйбышева.

Из своих родственников Нелли Давидовна помнит только деда по материнской линии. Еще до войны семья ездила на Украину в гости. Она помнит, что дед и два его брата были портными, и что дед был стройным и красивым и был одет в «хорошо пошитый костюм».

В семье не праздновали еврейские праздники, но, по признанию Нины, в ее детстве не праздновали никакие религиозные праздники, ни еврейские, ни русские. Например, русское Рождество никто не праздновал, во всяком случае, в Москве.

Семья жила в коммунальной квартире, где было 10 комнат и жило 10 семей. На всех была одна кухня, один туалет и одна ванная. Наличие только одного туалета всегда вызывало проблемы: «В туалете был маленький крючок, и люди часто срывали его. Для того чтобы узнать, занят туалет или нет, мы заходили в ванную (они были

смежные), там было стекло, и мы смотрели: если свет горит, значит кто-то в туалете есть. Весело было». На большой кухне стояли столы, и у каждой семьи был свой стол. Готовили на конфорках, но их на всех не хватало (их было всего 6 или 8). Это создавало проблемы для мамы на кухне. Если она занимала конфорку и уходила в комнату, в дверь комнаты стучались: «Нина Ефимовна, снимите свой чайник! Ваш чай уже давно вскипел!» Однако, как вспоминает Нелли, соседи жили, в основном, дружно и весело: «я не скажу, что были ссоры. Может быть, неудобства были, но ссор или скандалов никогда не было. Неправда говорят сейчас, что в коммунальных квартирах были ссоры... Зато когда были праздники, было весело, и нас, детей, все угощали».

Из детства Нелли Давидовне больше всего запомнился цирк: «Дело в том, что моя школа была недалеко от цирка на Цветном бульваре. Мало того, что мы туда часто ходили, у нас учились дети циркачей. Они то учились, то уезжали на гастроли, то снова учились. А все праздники мы ходили в цирк. У нас были хорошие места, нас проводили за кулисы, показывали всех зверей, знакомили с артистами... Я до сих

Отец Нелли - Давид Вольфович

Нелли Давидовне очень нравилось учиться в школе: «У меня никогда не было проблем с уроками или со школой, мне даже младшая сестра говорила: «Вот я из-за тебя мучаюсь, потому что учителя говорят, что Нелли, мол, это делала лучше!» Я не задумывалась об этом, у меня была хорошая память, я любила школу, любила там бывать, у меня были хорошие отношения с учителями. Сегодня я вспоминала преподавателя истории ... он бывший военный, и он мне подарил свою книжку стихов Гейне на немецком языке».

Война

В 1941 году Нелли Давидовне исполнилось 10 лет. Вот, что она помнит о начале войны: «Я была в пионерском лагере под Москвой в Сходне. Помню, что мы были в лесу недалеко от лагеря, и тут над нами начали пролетать самолеты, и мы, как всегда, начали махать им руками (там часто летали самолеты, потому что рядом был

Мама Нелли - Нина Ефимовна

аэродром Быково). Вдруг вожатая говорит: «Девчонки, прекратите! Это не наши самолеты! Это немцы!» Мы, конечно, быстро ушли из леса. Мы не видели, как они бомбили Москву».

«Я помню первые бомбежки Москвы. Мы всегда по вечерам и по ночам были без отца, он был на крыше, занимался тушением бомб. Немцы использовали зажигательные бомбы, и каждый дом выделял людей, которые дежурили на крыше. Папа был руководителем, у них там стояли ящики с песком и щипцы. Они должны были быстро щипцами взять бомбу и положить в песок, пока она не сожгла все вокруг. Нам, конечно, его очень не хватало, особенно когда начиналась тревога... Мама была очень боязливой, она даже грозы боялась...»

«Однажды, во время налета, нас всех отправили в бомбоубежище. Мы вышли на улицу, была ночь, и видим: небо все расплосовано прожекторами, летают какие-то самолеты, какие-то огни... потом я поняла, что это были бомбы. Небо было невероятное... Мы побежали в соседний дом, там в подвале было бомбоубежище. Это был просто большой подвал, где на полу лежали, сидели люди, и закрывался он

огромными дверями. Нам слышались удары и взрывы. Мы с сестрой не боялись, взрослые боялись, особенно мама. Многие плакали. Отца с нами не было, он был на крыше и тушил эти зажигалки, которые сыпались, как дождь. Когда мы вышли из подвала, то увидели, что небольшая керосиновая лавка, которая была рядом с нашим домом, была разбита. На ее месте были только щепки... Вот это была бомбежка, которую я хорошо помню».

Эвакуация

Осенью 1941 года семья Нелли Давидовны эвакуировалась на Урал, сначала в город Златоуст, а потом в Троицк (оба города в Челябинской области). Это был долгий и сложный путь. По дороге сестра заболела пневмонией и умерла бы, если бы не один военный, который достал для девочки антибиотики. Вот как Нелли Давидовна рассказывает об эвакуации: «В Москве был приказ, чтобы всех школьников увозили из Москвы. Это было в начале войны. Мы ехали через немецкие бомбежки сначала в Рязанскую

область в деревню, а потом на Урал. Я была с мамой и сестрой, но потом к нам приехал отец. Его не взяли в армию по возрасту, и к тому же, он был специалистом по восстановлению электростанций, поэтому в этой войне он не участвовал. Но он постоянно был в командировках по работе. В Троицке нас поселили в дом какой-то женщины, у которой муж был на фронте и девочка Клара постарше меня. Сказать, что все были рады нам, я не могу. Ну, зачем этой семье чужие люди, которые занимают комнату, мешают? Но, тем не менее, все было нормально. Проблема была только в голоде. Практически ничего не было: ни хлеба, ни овощей. Мы переживали, что никакого огорода у нас нет, и нельзя выращивать еду. Это было очень тяжелое время для всех, потому что на продовольствие были карточки, но по карточкам не было продуктов, и карточек не хватало».

«Во второй год эвакуации было легче, потому что когда отец приезжал, он помог нам посадить огород. Просто вскопали большой участок земли около дома. Мама была очень слабая, и копали я и отец, потом бегали за водой, а речка была внизу под горой. Я научилась на коромысле носить воду. Там был очень высокий берег, до сих

пор помню, как это было трудно. У меня до сих пор мозоль осталась с того времени...».

«Но все равно никто не унывал, все ждали, когда закончится война, хотя в город прибывали все новые и новые семьи эвакуированных с детьми, и мы понимали, что дела не очень хороши. Новости о войне узнавали только по радио. Если кто-то получал письмо с войны, то все прибегали и спрашивали, что и как, потому что информации было мало. Например, такого-то числа наши войска оставили город – это официальная сводка. И все. А что там происходило, если оставили город, почему его оставили, можно было только догадываться. Телевизора не было, картин фронта не было. Очень было сложно в этом смысле. Но мы все были уверены, что Россия выигрывает войну».

«Конечно, очень хотелось вернуться в Москву, отец часто бывал там, его посылали в командировки, но писем от него почти не было. Тогда в первую очередь шли письма с войны, остальные письма были не так уж важны... Меня не было в Москве, когда 16 октября (1941) там была жуткая паника. Мне рассказывала одна женщина,

которая приехала к нам в эвакуацию, что творилось в то время: во всех правительственных учреждениях сжигали документы. И то, что жгли документы, и что не работали магазины и заводы, все это вызывало жуткую панику, ведь действительно немцы были близко. И народ бежал из Москвы, шли по железнодорожным путям внутрь страны. Состояние было ужасное».

Семья прожила два года в Троицке, а в 1943 году отец получил разрешение перевезти семью обратно в Москву: «когда мы вернулись в Москву, мы ужаснулись, как она изменилась, как она разрушена, сколько закрытых магазинов!». Семья смогла вернуться в свою старую коммунальную квартиру. Ее не отобрали, потому что отец числился служащим; иначе у неработающих комнаты забирали. Двое из соседских семей не вернулись в коммуналку после эвакуации. В их квартирах жили новые люди... У одной семьи сын был на фронте и стал адъютантом Рокоссовского. Нелли Давидовна это запомнила, потому что все знали, что Рокоссовский был одним из героев войны. Она помнит, что однажды в квартиру пришли трое мужчин, и ей сказали, что один из них (самый высокий) был Рокоссовский.

Занятия в школе не прекращались, несмотря на войну. И в эвакуации на Урале, и потом в Москве учились «абсолютно все, начиная с первоклашек; школа - это было железно, школа тогда была очень важна для всех».

Нелли Давидовна знает, что все родственники родителей погибли во время войны на Украине и в Белоруссии, но один ее двоюродный брат со стороны отца, Роберт Аграновский, выжил и воевал в партизанском отряде. Ему было 12-14 лет, когда немцы оккупировали Украину. Его отец был работником райисполкома, поэтому когда к городу подошли немцы, отец и старший брат ушли в армию. Они оба погибли, защищая Киев. Роберт с матерью остались, но когда город был сдан врагу, ушли в леса к партизанам. Мать Роберта была поварихой в лагере. Она умерла в партизанском отряде, и Роберт стал сыном полка. Он ходил на боевые задания и был награжден орденом за участие в войне. После войны он поступил в морское училище в Ленинграде. Сейчас Роберт живет в Израиле, и Нелли Давидовна до сих пор поддерживает с ним связь. Родственники со стороны мамы были расстреляны немцами в оккупированной Украине. Когда городок захватили немцы, всех

евреев и советских служащих согнали в лес за городишком и расстреляли. На месте расстрела остался холм, но он никак не был помечен. Нелли Давидовна ездила на это место уже после войны; братская могила была заброшена пакетами и окурками. Она тогда сразу написала в Киев с просьбой поставить ограду и памятный знак, чтобы было понятно, что это не просто холм в лесу, но не знает, было ли принято какое-нибудь решение.

Нелли Давидовна помнит, что в первый День Победы все люди отправились на Красную площадь, «где были гуляния, горели прожектора, люди подбрасывали мелочь, и она серебрилась в свете прожекторов. Людей в военной форме брали на руки, подкидывали, причем неважно, был он в чинах или без чинов, всех, кто был в военной форме, поднимали на руки. Конечно, все выходили с графинами водки, со стаканами и угощали друг друга. Я помню, как до конца войны были бесконечные салюты в честь

освобождения наших городов, и мы, конечно, все ходили смотреть салют»

«Я помню день, когда прогоняли пленных немцев через Москву, это было после взятия Сталинграда. Пленных решили провести через центр города, чтобы люди почувствовали эту победу. Это было совершенно жуткое зрелище. Генералы были, конечно, как с иголочки одеты, шли впереди, но остальные были в ужасном состоянии, многие были ранены... Я видела женщин, которые плакали и пытались передать пленным хлеб. Это было очень тяжело. Они шли очень долго... У них был такой жалкий вид... Подумать только - они пытались завоевать нас, а теперь их гонят как скот. Радости ни у кого не было, было очень тяжелое впечатление от этих людей, от того, как они выглядели, от того, как они шли... Но, конечно, мы радовались тому, что это уже не те фашисты, которые воюют против нас».

Семья Нелли Давидовны всегда праздновала День Победы. Она помнит, что салюты были каждый год, что все выходило на улицы и праздновали, что это был общий праздник. До сих пор этот праздник остается важным для нее.

Университет

После школы Нелли Давидовна поступила в Московский государственный университет на факультет редактирования и журналистики. Ей всегда нравилось писать, у нее это хорошо получалось, поэтому она

Нелли Давидовна в студенческие годы

выбрала такую специальность. Учиться было нетрудно (потому что она изучала именно то, что нравилось) и интересно. Получив диплом в 1953 г., она уехала в Киров, бывшую Вятку, по распределению работать корреспондентом в газете «Кировская правда» в отделе культуры. Нелли Давидовна проработала там почти год, а потом вышла замуж за молодого человека, с которым она начала встречаться еще в Москве. С работы ее отпустили неохотно и только после просьбы ее отца, потому что по закону она должна была проработать три года по распределению. Однако, поскольку

Нелли Давидовна за работой

муж был в Москве, а предприятие в Кирове не могло обеспечить ее отдельным жильем, как требовалось по закону, ее отпустили.

Переезд в Москву стоил Нелли Давидовне хорошей работы. В большие газеты ее не брали, потому что «считалось, что все молодые специалисты должны были уехать по распределению». В конце концов, она начала работать в маленьких ведомственных газетах, где работа была скучной, а зарплата маленькой. Кроме того, ей было тяжело устроиться на нормальную работу, потому что уже тогда началась антисемитская кампания, и евреев на хорошую работу не брали.

Муж и семья

Первого мужа Нелли Давидовны звали Виктор Иосифович Уманский. Его родители были с Украины. Мать работала врачом в наркологическом диспансере на Арбате, а отец был военным. В 1937 отца арестовали, а потом забрали на фронт прямо из лагеря. Он прошел всю войну и остался кадровым военным. Нелли и Виктор познакомились у общих друзей за несколько

недель до ее отъезда в Киров. Он потом приезжал к ней в Киров несколько раз; один раз он был там проездом по дороге в Москву с практики на Урале, и они виделись всего 10 минут на перроне. По словам Нелли Давидовны, свадьбы в то время были очень скромными: «все собирались дома, только друзья и семья, не было ничего особенного, но это не значит, что свадьбы были плохими». Муж учился в Институте стали и сплавов и потом работал по своей специальности, пока не перешел в научный институт. После свадьбы молодая пара жила с родителями мужа, а потом с родителями Нелли Давидовны, потому что купить свою квартиру было невозможно, а получить почти невозможно. Нелли Давидовна говорит, что в муже ее привлек его веселый характер, с ним было интересно ходить в театры и на выставки. В 1958 году родился сын Дмитрий. Жизнь стала намного сложнее, так как муж часто уезжал в командировки. В 1961-ом году Виктор и Нелли развелись.

Со своим вторым мужем, Олегом Ивановичем Золотовым, Нелли Давидовна познакомилась на работе. Она тогда работала в многотиражной газете одного московского завода, а он работал инженером на этом заводе и

был начальником цеха. Олег и Нелли поженились, а в 1966 родилась их дочь Анна. К тому времени Олег перешел на работу в Министерство внешней торговли СССР, и его направили на работу в Финляндию. Вся семья жила там с 1968 по 1972 год. В Финляндии Нелли Давидовна научилась немного говорить по-фински.

Нелли Давидовна с сыном
Дмитрием и дочерью Анной

Национальная идентификация и антисемитизм

Нелли Давидовна говорит, что в детстве до войны никогда не задумывалась о своей национальной идентификации. По ее словам, тогда никого не интересовало, какой ты национальности. Все жили в советской стране и чувствовали себя советскими, или чувствовали себя москвичами, отмечали советские праздники. «Поскольку детство прошло в окружении русских, мы чувствовали себя русскими. Тем более, что в церковь никто не ходил: ни они, ни мы». Тем не менее, русские соседи по коммунальной квартире продолжали праздновать по традиции Пасху. Нелли Давидовна помнит, что на Пасху женщины всегда готовили куличи и угощали их семью. Поэтому они знали, как нужно праздновать русскую Пасху.

Про то, что она еврейка, Нелли Давидовна узнала в 8 лет, когда она была в эвакуации на Урале. В школе в Троицке учительница спрашивала детей об их национальности, и Нелли Давидовна сказала, что она москвичка. Учительница улыбнулась и ничего не сказала. Девочка почувствовала, что что-то не

так. Дома она спросила у мамы, почему учительнице не понравился ее ответ, ведь она всегда была отличницей и хотела, чтобы все было правильно. Мама объяснила дочери, что москвичка - это не национальность, и что она должна была сказать, что по национальности она еврейка, что это такая нация, и что их семья и семьи некоторых друзей принадлежат к этой нации. Нелли Давидовне этот факт показался удивительным, и она поинте-

ресовалась, что это за нация. Мама пообещала рассказать когда-нибудь попозже. «Так мы жили в то время до войны. Я понятия не имела, что наша семья еврейская. Дома никто никогда по-еврейски не говорил, хотя и мама, и папа знали еврейский язык, а папа еще знал иврит, он читал книжки на иврите. Я видела эти книжки у нас дома (правда, их было немного), и он сказал, что это язык государства Израиль. Нас никто не учил ни истории, ни языку».

Хотя Нелли Давидовна никогда не испытывала пренебрежительных

Нелли Давидовна с семьей в Финляндии

высказываний в свой адрес, она пострадала профессионально от антисемитской политики в СССР. В какой-то момент ее жизни, когда она пыталась устроиться на работу в серьезную газету, ей попытался помочь один ее одноклассник Боря Панкин, который работал заместителем редактора в «Комсомольской правде». Нелли Давидовна написала пробную статью для «Комсомолки» и подала документы, но ее «завернули в кадровом отделе». Она писала, и ее всегда печатали в разных газетах – в «Медицинской газете», в «Экономической газете», в «Советской России» -, но в штат газеты не брали. Официально в отказе всегда указывали что-то вежливое: что нет должности на данный момент или что отдел закрылся; а если в отделе кадров спрашивали, почему не берут, ей отвечали: «Вы сами знаете». Ей приходилось продолжать работать внештатным корреспондентом, и она считала это унижением для себя. Все в ее окружении, включая ее одноклассников, которые стали большими журналистами, знали, в чем настоящая причина отказа, и говорили об этом вслух с возмущением. После многих неудачных попыток устроиться в штат, ее наконец взяли в небольшую многотиражную ведомственную газету, которая принадлежала Моссовету.

Эмиграция

Решение эмигрировать было принято сыном Нелли Давидовны. Он был членом диссидентских групп, говорил о гражданских свободах и первый поставил вопрос о возможной эмиграции. Нелли Давидовна была уверена, что он с семьей уезжает в Израиль, но оказалось, что они уехали в Америку. Затем сын вызвал маму, а потом Нелли Давидовна вызвала дочь Анну. Муж не захотел уезжать, он имел престижную должность и не хотел ее терять, потому что знал, что в Америке не сможет найти ничего подобного из-за незнания языка. Супругам пришлось развестись по требованию ОВИРа, чтобы Нелли могла получить разрешение на эмиграцию. До сих пор Нелли Давидовна говорит по телефону с мужем. Он часто приезжает к ней на лето.

Уезжая в Америку, Нелли Давидовна имела негативные представления о стране: общество беспокойное, к иммигрантам плохо относятся. Поначалу Америка ей не понравилась, а Бостон показался железным и тоскливым городом по сравнению с

Москвой. Ей казалось, что в Америке все должно быть удивительно и прекрасно, «если говорят, что это такая хорошая страна», но на деле жизнь в Бостоне была для нее сложнее: в Москве она жила в красивом здании в большой квартире, а в Бостоне все было не так. Ей не хватало культурных мероприятий, театров, музеев, которые были в Советском Союзе. Однако, Нелли Давидовна не поддавалась унынию и пошла изучать английский язык в колледж Бункер-Хилл. Ей всегда очень нравилось учиться, и она получала удовольствие от того, что учится в американском колледже. На вопрос, что бы она хотела еще сделать в жизни, что не успела, она отвечает – «закончить еще один колледж».

В заключение

Нелли Давидовна очень гордится своими внуками и правнуками и надеется, что они все успешно закончат вузы. Для нее важно, чтобы они говорили по-русски, и ее расстраивает, что правнуки уже не могут говорить с ней на ее родном языке. Ее любимым

писателем является Толстой как выразитель лучшего в русском языке и литературе. Она очень любит балет и особенно постановки Большого театра. Своим героем, с юности и до сегодняшнего дня, она считает Юрия Гагарина.

Нелли Давидовна и Наталья, 2017

Рафаил Львович Питкин

Записано Михаилом Барацем

Рафаил Питкин, Ленинград, 1953

Рафаил Львович Питкин родился в Ленинграде 14 декабря 1923 года в семье Льва Иосифовича и Любви Рафаиловны Питкиных. Родители Рафаила родились и выросли в городе Невеле (в Псковской области), как и их родители, и в начале XX века имели там собственную швейную мастерскую. В конце 1920-ых годов отца Рафаила во время сворачивания политики НЭПа, как владельца собственного дела, признали буржуазным эксплуататором и сослали в Узбекистан. Вначале он оказался в маленьком кишлаке, но через некоторое время переехал в Ташкент и, получив там комнату в большом доме на 10-15 квартир, вызвал к себе семью: жену и двоих детей, младшего Рааила и старшего Давида.

В Ташкенте у них не было ни друзей, ни родственников, и поэтому помощи от кого-либо ждать не приходилось. Сначала

Питкиным было очень трудно, и мать, и отец искали хоть какую-то работу. К счастью, мама, которая была очень хорошей портнихой, быстро нашла подработку, а отец смог устроиться мастером на швейную фабрику «Красная Заря». Рафаила и Давида определили в детский сад при этой фабрике. Семья из четырех человек жила в одной небольшой комнате, но с отдельным выходом в большой общий двор, отгороженный от улицы большим забором. Этот двор очень запомнился Рафаилу из детства.

В 1941 году Рафаил закончил десятилетку и собирался поступать в институт, но началась война. Они с товарищами записались добровольцами и были направлены в действующую армию. Последний раз он видел двух своих близких товарищей со школы на сборном пункте, где их определили в разные точки назначения. Что с ними случилось дальше, Рафаил не знает. Сам Рафаил по дороге на фронт тяжело заболел малярией, и его развернули обратно домой, так как доктора были уверены, что он умрет, и им было не до малярии. Рафаил долго болел в Ташкенте, но, благодаря уходу мамы, выздоровел.

Рафаил с братом и родителями.

В октябре-декабре 1941 года в Ташкент эвакуировался только что реорганизованный Воронежский авиационный институт (ВАИ). Рафаил поступил в этот институт с надеждой помочь фронту, получив авиационную специальность. В конце войны руководством Народного Комиссариата авиационной

промышленности было принято решение о ликвидации ВАИ. На его базе был открыт Ташкентский авиационный техникум. Студенты старших курсов были переведены в Куйбышевский авиационный институт, а основной контингент студентов и преподавателей был отправлен в Ленинград для возрождения Ленинградского института авиационного приборостроения (ЛИАП), в котором на тот момент было два факультета – приборостроительный и радиотехнический. Таким образом, в 1945 году Рафаил переехал в Ленинград в составе группы студентов ЛИАПа. Он продолжил специализироваться в самолетном приборостроении. Студентов поселили в общежитие в еще невосстановленном после блокады городе. Институт и общежитие находились в здании бывшего монастыря в районе Московского проспекта, на окраине Ленинграда. У Рафаила и товарищей была комната на 4 человека, и они жили дружно. Учиться было трудно не только потому, что специальность была такой серьезной, но еще и потому, что студенты все время чувствовали голод. Из военного и послевоенного времени Рафаил часто вспоминает это состояние голода.

В свободное время студенты любили

собираться вместе, гулять, ходить в театры, петь песни под гитару. Кроме того, Рафаил очень любил теннис и начал заниматься этим спортом именно в студенчестве. Они с друзьями ходили на городские корты и даже устраивали любительские соревнования. Рафаил достаточно хорошо играл и в большой, и в настольный теннис.

По окончании института Рафаил Львович получил распределение в конструкторское бюро на 17-ой линии Васильевского острова. Это КБ работало над созданием новых систем измерения расхода топлива для самолетов. Рафаил проработал в КБ всю жизнь, пройдя путь от молодого специалиста до ведущего инженера и, наконец, руководителя исследовательской группы. Больше всего Рафаил Львович любит говорить о своей работе. Он действительно болел своим делом и многое сделал в области самолетостроения. Вот как Рафаил Львович рассказывает о своей работе: «Наша группа состояла из 12 человек. Это был дружный и сплоченный коллектив. Перед нами ставили определенные задачи, и мы должны были их решать. Например, нужно было разрабатывать приборы для турбореактивных двигателей, которые появились в самом

конце войны. Турбореактивные самолеты отличаются от турбовинтовых, которые были до войны. Одна проблема заключалась в том, что они перегревались, и нужно было так отрегулировать подачу топлива в двигатель, чтобы он не перегревался, иначе самолет мог бы потерпеть катастрофу. Эту задачу и решало наше КБ. Мы разработали систему регулирования ПТП – прибора подачи топлива – для турбореактивных двигателей».

«Вообще, когда возникала какая-то проблема, нам поручали задание, мы создавали новые конструкции, нам выдавали патенты, и потом наши изобретения внедряли в промышленности и создавали новые конструкции по нашим патентам. За это мне и дали награду «Изобретатель СССР» - именно за изобретения, которые внедряли в промышленность. Это очень редкая награда, это не просто какое-то изобретение ради изобретения. Ордена давали довольно часто, а вот звание Изобретателя гораздо реже».

«В середине 70-ых годов встал вопрос – что делать, если кончится топливо для самолетов? Тогда добыча нефти в мире резко упала. Нашему КБ было дано задание разработать системы водород-

Награда Рафаила Львовича

ного топлива для самолетов. Температура водорода – минус 265 градусов Цельсия. Ни один металл не выдерживает этой температуры. Мы разработали систему поддержания работы самолетов жидким азотом. Его температура – 178 градусов. Мы разрабатывали прибор для измерения температуры жидкого водородного топлива, где сенсоры открывали клапан только при определенной температуре, и тогда начинало поступать топливо в двигатель. Мы проводили испытания под Самарой (Куйбышевым) на двигателях Николая Кузнецова, эти двигатели

должны были бы устанавливаться на самолетах АНТ - самолеты изобретенные Андреем Николаевичем Туполевым, он первый начал применять водородное топливо. Но потом производство нефти выросло в мире, и необходимость в этом изобретении отпала. Американцы и русские одновременно работали в этом направлении, сначала американцы придумали, но мы тоже работали. За изобретение системы использования жидкого водорода нашему КБ дали авторское свидетельство».

Рафаил Львович считает себя «спасателем самолетов и людей»: «я спасал самолеты, чтобы они не падали, чтобы была большая безопасность самолетов, и спасал людей – была одна история с прекрасным человеком, которого мы поддержали в тот момент, когда многие от нее отвернулись». Еще во время учебы Рафаил с друзьями познакомились с девушкой-альпинисткой, которая пострадала, упав с гор. Они с друзьями поддержали ее морально и помогли в учебе: они помогали ей с занятиями и проектами в институте, всегда включали в свою компанию. Благодаря их помощи, эта девушка успешно закончила институт и начала работать. Один из друзей Рафаила написал об этом песню и посвятил ее

нашему герою. Она до сих пор сохранилась на одной из пленок, которые хранятся в семейном архиве.

Семья

Рассказывая о своей семье, Рафаил подчеркивает, что в его семье всегда чтили еврейские традиции и традиционное еврейское воспитание, и поэтому он с детства отмечает все еврейские праздники. Каким-то образом, Рафаил умудрялся совмещать еврейские и советские праздники: «как пионер, я был не очень активный, но без этого и нельзя было бы учиться, а евреями мы были... нормальными». На Песах (или Рош-Хашану) брали мацу в синагоге, организовывали седер дома, приходили друзья (или Питкины ходили к друзьям). А советские праздники Рафаил праздновал со школой: «ходили колоннами». День Победы для него особенный праздник: «он был такой желанный, такой долгожданный... мы его очень долго ждали... и дождались».

Родители Рафаила, помимо русского, знали и идиш, но с детьми обычно не

говорили по-еврейски. Со временем Рафаил постепенно забыл, как говорить на идише за неимением практики, но до сих пор многое понимает.

Жена и сын

В 1947 году Рафаил Львович женился на Софии Марковне Любинской. Они познакомились на студенческой вечеринке: ЛИАПовцы и медики часто встречались, по словам Рафаила. Потом они повстречались в Большой хоральной синагоге в Ленинграде и почти сразу поженились. София родилась и выросла в Ленинграде и пережила блокаду. После войны она закончила Первый медицинский институт и впоследствии стала известным психотерапевтом в Ленинграде. Она занималась аутотренингом и читала публичные лекции в Центральной лектории на Литейном проспекте.

В 1947 году у Питкиных родился сын Марк. Он тоже стал известным человеком в Ленинграде. Марк закончил Ленинградский государственный университет с отличием и затем получил степень кандидата наук в Центральном

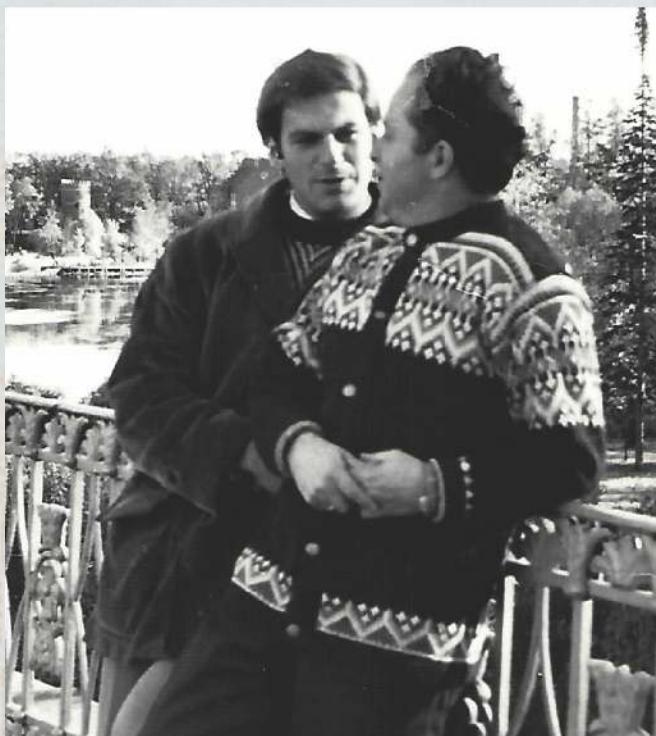
Рафаил и София, 1949

научно-исследовательском институте протезирования в Москве и степень доктора технических наук в одном из лучших технических вузов страны – Ленинградском электротехническом институте. До отъезда в США Марк возглавлял отдел биомеханики стопы в Научно-исследовательском институте протезирования в Ленинграде.

Эмиль, сын Марка и Зорины, учился в школе Соломона Шехтера, в которой еврейских детей обучают основам еврейской науки и дают очень хорошее

светское образование с высоким уровнем математики и физики. Хорошая подготовка в этой школе помогла Эмилю поступить в Гарвардский университет, который он успешно закончил. Он тоже имеет степень доктора наук. Рафаил Львович чрезвычайно гордится своим сыном и внуком, их успехами и их профессионализмом.

До эмиграции семья Питкиных жила в центре Ленинграда с хорошим достатком. Рафаил Львович без устали рассказывает о своем любимом городе. Он

Марк и Рафаил, 1971

Четыре Питкина: Давид, Рафаил, Эмиль, Марк
2000

хорошо знает историю и архитектуру города, помнит все улицы наизусть и готов рассказывать о Ленинграде-Петербурге любому, кто готов его слушать. Он вспоминает о своей жизни и работе в Ленинграде с большой теплотой: там были хорошие друзья и товарищи по работе в КБ работали дружно и решали все технические и жизненные проблемы вместе.

Эмиграция

В 1990 году Рафаил, как и многие евреи в то время, эмигрировал в Америку.

ку по вызову, полученному от сына, который переехал в США на год раньше – в 1989. София Марковна скончалась в США, и Рафаил Львович переехал в Hebrew Rehabilitation Center.

В заключение

Рафаил Львович очень любит Толстого, Тургенева и Пушкина, всегда любил и до сих пор любит все виды искусства, включая балет и оперу. Он хотел бы, чтобы прекрасного было побольше в жизни.

Мечта Рафаила Львовича – чтобы молодые поколения никогда не знали бы ужасов войны и голода. Он считает своим героем Одиссея, потому что он ему представляется как «герой порядочности»: он освобождал народы и «преследовал эксплуататоров». Самыми главными качества в человеке Рафаил Львович считает честность и порядочность.

Рафаил и Михаил, 2017

Владимир Саулович Гантман Валентина Львовна Гантман

Записано Эмилем Кенигом

Отец Владимира - Саул Ноевич

Владимир Саулович Гантман родился в Ленинграде в 1927 году. Его отец, Саул Ноевич, был родом из Белоруссии. Он вступил в ряды РККИ во время революции, стал кадровым военным, командиром, и служил в армии почти до самого начала Великой Отечественной войны. Поскольку он болел язвой желудка, ему пришлось выйти в отставку по болезни. Однако, когда началась война, отец вернулся в действующую армию, несмотря на болезнь, и прослужил всю войну в Кронштадте. Мать Владимира, Хьена Самойловна Иглицина, была домохозяйкой и не имела особой профессии. Родители познакомились в Харькове и вместе переехали в Ленинград, где родился Владимир, но разошлись незадолго до войны в 1930-ых годах. Владимир никогда не разговаривал с родителями об этом, но предполагает, что они могли развестись еще и потому, что в то время велись мас-

совые репрессии против командного состава РККА, и если арестовывали мужа, то репрессиям также часто подвергалась вся семья – жены и дети. Разведясь, родители, возможно, надеялись избежать этой участи для Хьены и Владимира. Владимир Саулович вспоминает, что после развода им с матерью пришлось очень трудно; мама подрабатывала на разных работах, с папой он практически не виделся, однако помнит, что отец приезжал к ним в эвакуацию на непродолжительное время и отправлял им свой офицерский аттестат, что спасало их, так как с удовольствием во время войны было трудно.

Детство Владимира не сильно отличалось от детства других детей того времени. Как и миллионы других мальчишек, он играл в казаки-разбойники, прятки, лапту, пристенок¹ и футбол. Вспоминая о том времени, Владимир Саулович рассказывает, как сложно было тогда достать футбольный мяч, в связи с чем ребята прибегали к хитростям. Например, в Ленинград периодически приезжали иностранные футболисты. Несмотря на то, что билеты на их матчи купить было сложно, мальчишки каким-то образом доставали билеты и перепродавали подороже,

а на вырученные деньги покупали мяч. Конечно, во дворе бывали и драки, особенно «если надо было выяснить правду», и дрались зачастую «до крови».

В детстве Владимир Саулович отмечал все советские праздники: 1 мая, когда весь город выходил на демонстрацию, 7 ноября (День Великой Октябрьской социалистической революции) и Новый год, на который профсоюзы выдавали подарки детям. По его словам, все религиозные праздники были запрещены, в синагогу никто не ходил, но иногда, когда была возможность, его мать приносила домой мацу, из которой готовили еврейские блюда.

Учеником Владимир был необразцовым, по его собственному признанию, потому что у него были проблемы с дисциплиной. Из-за неуспеваемости и плохого поведения родителей часто вызывали в школу. Тем не менее, Владимир Саулович сумел закончить школу (во время войны), получить два высших образования и преподавать в вузе.

Война для Владимира Сауловича началась 22 июня 1941 года. В Ленин-

1-Пристенок - азартная игра с монетками. Монетки поочередно бросают об стену два игрока, причем бросить надо так, чтобы монеты легли друг к другу рядом. Тот кто бросил монету ближе

граде стояли белые ночи, и настроение было приподнятое, так как уже начались школьные каникулы, и Владимир только что закончил 6-ой класс. Война все резко изменила. Владимир помнит, как быстро немцы продвинулись к Ленинграду, как над городом летали вражеские самолеты, как небо зажигалось от прожекторов, и высвечивались немецкие самолеты-разведчики, которые искали цели.

С началом войны детей из Ленинграда эвакуировали в приказном порядке, вывозили целые детские сады, школы и детей работников разных предприятий. Сначала всех перевозили в окрестности Ленинграда, но так получилось, что поселки и деревни, куда разместили детей, оказались в зоне высадки немецкого десанта, и детей срочным образом, под обстрелами и бомбежкой, возвращали в Ленинград. Тогда была организована вторая волна эвакуации. В этот раз в тыл отправляли не только детей, но и женщин, и стариков. В первую очередь эвакуировали семьи офицерского состава, и таким образом отец Владимира отправил в тыл свою жену, сына, сестру и ее дочку. Он имел все основания опасаться за их судьбу, зная из газет и книги «Майн камф» гитлеровскую идеологию и отношение к

евреям, коммунистам и командирам Красной Армии. Владимир с мамой, тетей и двоюродной сестрой успели уехать еще до того, как замкнулось кольцо блокады.

Дорога в эвакуацию была длинной и трудной. Люди ехали в переполненных товарных вагонах, никто не занимался поставкой продовольствия, воду и еду приходилось добывать самим во время стоянок на разных станциях. На дорогу в 2000 километров, которую при мирной жизни можно было проехать за день или два, ушло несколько недель. Конечной точкой эвакуированных в этой группе был город Молотов (ныне Пермь). Здесь Владимира и других детей школьного возраста приписали к школе. Однако учиться полноценно им не пришлось: 14-летних мальчиков-подростков отправили на рубку леса, а потом определили работать на заводы. Все мужчины, способные держать в руках оружие, ушли на фронт, их места заняли подростки и женщины. Владимир Саулович вспоминает, что они работали до изнеможения: «у нас не было сил, мы недоедали, практически все голодали, мы падали возле станков от усталости и голода». Владимира поставили за токарный станок и обучили

работе по металлу. Он изготавливал корпуса снарядов, которые потом начинялись взрывчаткой в другом цехе. Его друзья, мама и мамы друзей тоже работали на заводах. Из-за необходимости работать и помогать фронту, детям пришлось пропускать занятия в школе. По словам Владимира, после 6-ого класса «учеба была неполноценная», и всем «хотелось есть, а не учиться». Кроме работы на заводе и учебы, нужно было добывать дрова для отопления: мужчин не было, все женщины работали сутками на заводах, поэтому рубкой дров занимались дети. Они рубили деревья на берегу реки Камы, где всегда было очень холодно. Как рассказывает Владимир Саулович, на ноги надеть было нечего, поэтому любую обувь берегли. Поверх того, что было, дети надевали галоши, чтобы не промокли ноги, и перевязывали их верёвками.

Кроме постоянного чувства голода, холода и тяжелой работы, в Перми Владимиру Сауловичу запомнилось огромное количество раненых солдат, которых привозили с разных фронтов на лечение на Урал. От них люди узнавали подробности о войне: раненые рассказывали о делах на фронте и о том, что они видели.

Владимир Саулович потерял на войне многих родственников: два двоюродных брата погибли на фронте, дядя погиб в Сталинграде, а бабушка и дедушка, родители мамы, погибли в Украине. После освобождения Харькова (скорее всего, в 1943 году) Хьене пришла открытка от соседки ее родителей, которая дружила с бабушкой Владимира. Она была украинкой и пыталась помочь своим друзьям, но это было невозможно. Вот, что Владимир и его мама узнали о судьбе бабушки и дедушки: с началом оккупации немцы решили переселить всех евреев города в гетто на территории тракторного завода на окраине Харькова. Зима 1941-ого года была особенно холодной, а украинские националисты гнали колонны людей пешком по 30-градусному холоду. Бабушка Владимира была уже старенькой и шла с трудом, ее пристрелили по дороге, а дедушка отказался выходить из дома, и его сожгли вместе с домом.

Эти новости окончательно утвердили Владимира в его желании уйти на фронт любыми способами, «чтобы защищать беззащитных и ни в чем неповинных людей». В 1944 году, когда ему было 17 лет, он вернулся в Ленинград и пошел служить на флот матросом, несмотря на то, что еще не достиг

призывного возраста. Он служил в охранной морской части, служба была тяжелой, приходилось носить тяжелые вещи, пилить дрова, делать всю подсобную работу. Владимир хотел стать моряком, но его не брали в училище, потому что у него не было законченного школьного образования. Тогда Владимир прошёл три последних класса школы за один год, доказав, что он очень способный парень, и его приняли в морское училище. По словам Владимира Сауловича, там довольно жестоко обращались с новичками, «чтобы уничтожить чувство хорошего/избалованного детства».

Владимир Саулович закончил Высшее военно-морское училище им. Фрунзе и прослужил около 20 лет на Балтийском флоте. Когда он вынужденно вышел в отставку, у него было звание старшего артиллериста, он работал на большом крейсере, и в подчинении у него было около 500 матросов и 20 офицеров. Он с горечью констатирует, что в 60-ых годах «вдруг» оказалось, что у него «опасная национальность». Это было время гонения на евреев-офицеров. Его уволили с флота без выходного пособия...

Владимир Саулович не сдался. Он пошел работать на самую низкую

должность в научно-исследовательский институт, чтобы была хоть какая-то зарплата. У него к тому времени уже была семья: жена Валентина и сын, и его старая мама жила с ними (папа умер в 1953). Параллельно он учился в Ленинградском политехническом институте по специальности автоматика и телемеханика. Он успешно закончил этот престижный вуз, остался преподавателем на кафедре телемеханики, долгое время был главой отдела математических методов исследования и работал со многими молодыми талантливыми людьми. Он очень любил свою работу и проработал в ЛПИ до самой пенсии.

Владимир Саулович познакомился со своей будущей женой Валентиной Клячко 6 ноября 1952 года на танцах в местном Дворце культуры в Ленинграде. Валентина очень хорошо танцевала, поскольку несколько лет училась в школе балльных танцев, и она привлекла внимание молодого моряка. Они поженились через пару лет после встречи, т.к. Владимир Саулович должен был сначала закончить служебные дела на флоте.

Валентина Львовна Гантман

Валентина Львовна Гантман родилась в Ленинграде в 1932 году. Ее отец, Лейба (Лев) Соломонович, был теплофизиком, занимался созданием систем теплотехники. В 20-ые годы прошлого века он проходил стажировку в США, чтобы овладеть техникой построения различных систем воздухообеспечения для домов и транспорта. Мама Валентины Львовны, Песя Липовна (Полина Львовна) Левина, тоже

имела университетское образование. Приехав в Москву из Белоруссии после революции, она закончила Московский государственный университет и работала учителем до рождения детей. В семье было две девочки: старшая – Амалия и младшая – Валентина, родившаяся 4,5 года после Амалии.

Валентина Львовна с особой теплотой вспоминает своего деда по маме, который был раввином в городе Сураж, в Витебской области Белоруссии. Из-за рода его деятельности семья преследовалась, а самого деда арестовали в 30-ых годах, и он два года провел в тюрьме. Когда его выпустили, Валентине было 2 года, но она очень хорошо помнит его. Она рассказывает, как дедушка сидел в каталке, ослепший, гладил её по голове и называл «шёлковой головкой».

Один интересный факт о семье Валентины Львовны, заключается в том, что ее дядя по отцу служил в американском флоте и помогал американским евреям, попавшим в японский плен в начале Второй мировой войны. Это был брат отца, который уехал в Америку, когда в Российской империи начались революционные волнения. Бабушка Валентины, его мама, хотела, чтобы

сын был «от греха подальше», и согласилась на его отъезд. Другой сын, отец Валентины, остался в Латвии (где жила тогда вся его семья); после революции, когда отменили Черту оседлости, он приехал в Ленинград и поступил в Ленинградский физико-технический институт, где учился у известного теплофизика, академика Михаила Викторовича Кирпичева. После окончания института он активно занимался наукой и был довольно известным теплофизиком в то время.

До войны жизнь Валентины была весьма благополучной. Она хорошо училась в школе, семья жила в хороших условиях в центре Ленинграда. Она помнит семейные отпуска на даче под Ленинградом и дружную семью.

Валентина только закончила первый класс, когда началась война. Всю их семью эвакуировали из Ленинграда в г. Челябинск. Она не помнит, когда точно была эвакуация, но помнит, что они долго плыли на корабле по Волге, пока не добрались до конечного пункта назначения. Отец Валентины Львовны почти сразу же уехал в Москву на работу в научно-исследовательском институте, а девочки остались с мамой на Урале. Когда опасность сдачи Москвы

врагу миновала, Полина Львовна с дочерьми присоединилась к мужу в Москве. День Победы они встретили в Подмосковье и, конечно, были бесконечно счастливы: «это был праздник со слезами на глазах, мы не могли поверить что наконец-то весь этот ужас закончился».

С самого детства Валентина мечтала стать врачом и после окончания школы с серебряной медалью поступила в Первый ленинградский медицинский институт им. академика Павлова. Она стала невропатологом, возглавляла невропатологическую службу Петроградского района, занималась неврологической диагностикой. Какое-то время она преподавала в Институте повышения квалификации для врачей невропатологов. Она очень любила свою работу и была предана своей профессии.

Валентина Львовна вспоминает, что они не очень интенсивно интересовались своими корнями, они чувствовали себя советскими гражданами, праздновали советские праздники и «не делали особых акцентов на еврействе». При этом, она признает, что всегда понимала, что «мы другие», но лично антисемитизма не испытывала.

Эмиграция

Гантманы всю жизнь прожили в Ленинграде и очень преданы своему городу. Их самый любимый район – Петроградский, в котором они жили и в котором работала Валентина Львовна. Им очень трудно было уезжать из любимого города, но в середине 1990-

Амалия. Сестра Валентины Львовны

ых годов преступность в Петербурге настолько возросла, что Гантманы стали опасаться за свою жизнь. В те годы достаточно часто совершались преступления против стариков, у которых обманом, а иногда и силой, отбирали квартиры. Владимир Львович даже держал металлический лом дома на случай, если к ним ворвутся бандиты. Сестра Валентины Львовны, Амалия, уже жила в США, она помогла сделать вызов, и в 1996-ом году Гантманы попрощались с родным городом.

В эмиграции Валентина Львовна, в отличие от Владимира Сауловича, выучила английский, начала работать волонтером в местной больнице в г. Малден в Массачусетсе. Гантманы очень благодарны всем американцам, которые помогали и поддерживали их, и особенно благодарны работникам центра Hebrew Life.

Юлия Семеновна Файнберг

Записано Михаилом Барацем

Юлия Семеновна

Юлия Семеновна родилась 10 июля 1926 года в Харькове в семье Семена Исааковича Субботника и Полины Осиповны Шпильберг. Папа был родом из Белоруссии, а мама родилась в городе Барановке на Украине. Они познакомились в Харьковском мединституте, где оба были студентами. В 1926 году в семье родилась единственная дочка, а еще через три года Полину Осиповну пригласили на работу во Всесоюзный институт экспериментальной медицины им. Горького. Таким образом, семья переехала в Москву, когда Юлии было три года. Оба родителя Юлии были блестящими врачами: папа стал профессором психиатрии и работал в Институте авиационной медицины им. Академика Павлова, а Полина Осиповна Шпильберг, будучи врачом-физиологом, также занималась наукой и была одним из пионеров в области физиологии головного мозга. У

нее было много публикаций в СССР и переводов ее работ зарубежом.

Война

Когда Юлии Семеновне было 15 лет, началась Великая Отечественная война. Папа ушел на фронт в начале войны и служил флагманским врачом в военной авиации. Юля с мамой были эвакуированы из Москвы и жили в Свердловске. Юля училась в школе и, как большинство школьников того времени, в свободное от занятий время работала санитаркой в госпиталях, ухаживая за ранеными. Ее мама работала врачом в военном госпитале в Свердловске. В 1944 году они вернулись в Москву. Семен Исаакович прошел всю войну и участвовал в первом параде Победы на Красной площади.

Институт, семья, работа

После войны Юлия Семеновна училась во Втором московском медицинском институте. Поступить ей было не сложно, так как она была круглой

Юлия Семеновна с мужем

отличницей, а выбор профессии был связан с интересом к работе родителей: Юлия пошла по стопам отца и стала психиатром. Она закончила институт в 1949 году.

Юлия Семеновна вышла замуж в 1946-ом году, когда ей было 20 лет. Ее будущий муж, Александр Зиновьевич Файнберг, родился в Минске в 1924 году, но когда ему было 5 лет, его семья переехала в Ленинград. После войны

он учился вместе с двоюродным братом Юлии в Военно-воздушной академии им. Жуковского на радио-инженерном факультете. Однажды на занятии брат случайно уронил тетради, и из них выпала фотография Юлии. Эту фотографию увидел ее будущий муж и попросил познакомить его с девушкой на фото. Таким образом Юлия Семеновна и познакомилась с Александром.

Через год после их свадьбы, в 1947 году, родился первый сын, которого назвали Мишей в честь любимого брата Юлии-

Юлия Семеновна за работой

Юлия Семеновна с мужем и старшим сыном

ной мамы. Шесть с половиной лет спустя родился второй сын - Женя.

После окончания Военной академии в 1948 году Александра Зиновьевича направили на работу в Бобруйск. Он работал инженером и занимался реактивными двигателями на военных самолетах, а Юлия Семеновна осталась в Москве заканчивать учебу в институте. По окончании института она присоединилась к мужу и работала врачом-терапевтом в местной больнице. В Бобруйске семья прожила семь лет в военном городке, который тогда назывался Кисилевичи, а сейчас является районом Бобруйска. Условия жизни в Бобруйске были не самые комфортные, семье на 3-х человек дали одну девятиметровую комнату. Вернувшись в Москву, Юлия Семеновна устроилась работать психи-

атром в 3-ью городскую больницу, где проработала до пенсии. Муж работал военным инженером. Юлия Семеновна и Александр Зиновьевич воспитали очень успешных детей. Старший сын, Михаил, в возрасте 27 лет защитил диссертацию и получил звание кандидата технических наук. Младший сын, Евгений, с отличием окончил специальную математическую школу №2 и поступил в вуз. Окончив институт, он остался на кафедре математики преподавателем и защитил диссертацию.

Эмиграция

Старший сын, Михаил, был первым в семье, который принял решение эмигрировать из Советского Союза. Подал на выезд в 1979 году и не получив разрешения, он и его семья стали отказниками и «просидели» в отказе 8 лет. Выехать они смогли только в 1987 году. Юлия Семеновна с мужем и матерью приехали в США в 1989 году. Юлии было 63 года. В эмиграции у обоих сыновей сложились успешные карьеры. Михаил построил мощную компанию в области телекоммуникаций, а Евгений

Юлия Семеновна и Михаил, 2018

продолжил заниматься математикой и работает профессором в Университете штата Нью-Йорк в Стони-Брук.

У Юлии Семеновны три внука и одна внучка, а также семь правнуков, которые родились в США.

Ефим Абрамович Миллер

Записано Даней Шпильским

Хаим (Ефим) Абрамович Миллер родился 25 июня 1928 года в Литве, в городе Паневежис.

Семья Ефима происходила из Утенского уезда Литвы: отец, Абрам Ицък (Ицхак) Миллер родился в местечке Балнинкай (Молетского района), а мать, Йента Фин, родилась в местечке Вижуоносе в многодетной семье (13 детей). Предки отца были из западной Германии и приехали в Литву в средневековье, когда литовские князья приглашали евреев для занятия торговлей и производством. Поэтому у Ефима Абрамовича немецкая фамилия, но вся его семья и он сам считают себя литваками. Своих бабушку и дедушку со стороны отца он не застал в живых, но помнит бабушку со стороны мамы, которую звали Лея.

Ефим Абрамович

Родители поженились в 1924 году и

поселились в Паневежисе, где родились дети. Помимо Ефима в семье было еще двое детей: старший брат Элияу (Илья) и младшая сестра Ханна. Брата назвали в честь дедушки с маминой стороны, а Ефима назвали в честь прабабушки с маминой стороны, которую звали Хая.

Когда Ефим был еще маленьким, семья в поисках лучшей жизни переехала на юг Литвы, в Каунас, где отец и мать нашли работу. Отец работал на кожевенной фабрике в Слободке (пригороде Каунаса), а мама была главной закройщицей на самой большой трикотажной фабрике в Каунасе. Сначала семья жила в подвальном помещении на Мельничной улице, прилегающей к старой части города. Улица находилась на горе, и зимой дети часто катались там на санках. Чуть позже, когда жить стали лучше, семья переехала в квартиру на проспекте Красной Армии с балконом, выходящим на проспект.

Школьное образование Ефим Абрамович получил в общественной еврейской школе, в которой, помимо основных предметов, обучали также литовскому. Все предметы преподавались на идише, а ивриту не учили совсем. В здании, где школа Ефима занимала 2 этажа, помещалась также школа Тар-

Ефим, Илья и Ханна с родителями

бут, дающая светское еврейское образование на иврите. Как рассказывает Ефим Абрамович, тарбутники и дети из общественной школы иногда дрались (тарбутники считались у них барчуками), но если вдруг на них напали литовские школьники, то тарбутники и одноклассники Ефима объединялись против литовцев. Родители хотели отдать Ефима в престижную гимназию им. Шолом-Алейхема, но не успели, так как когда он закончил

шестой класс, началась война.

Абрам Миллер был весьма активным в политической жизни и придерживался левых взглядов, а его брат был подпольным коммунистом и был арестован за коммунистическую деятельность литовским правительством (еще до 1940 года). Хотя Абрам никогда не был членом партии, он симпатизировал коммунистическому движению, СССР и Сталину. Абрам Миллер был также совершенно далек от религии, в связи с чем в еврейской общине Паневежиса его считали безбожником и даже не пускали в местную синагогу.

В 1940 году, когда Литва стала частью Советского Союза, Ефиму было 12 лет. Он был в пятом классе и хорошо помнит, как в Каунас входили советские войска, как по главной улице ехали танки, и Ефим, как и многие жители горда, бежал рядом, как кричали приветствия и бросали цветы. По его словам, все были очень рады, так как считали СССР раем для рабочих и крестьян. Для его семьи вхождение Литвы в СССР было очень позитивным событием, все ждали значительного улучшения жизненных условий. Старший брат Илья стал комсомольцем в 1940-ом году, а Ефим всту-

пил в ряды пионеров. Это была первая группа пионеров советской Литвы.

Война

Как и для миллионов других, война была неожиданностью для семьи Ефима Абрамовича. О том, что началась война семья узнала от Ильи, который был на комсомольском собрании и первым услышал объявление Молотова о нападении фашистской Германии. 22 июня немцы бомбили аэродром вблизи Каунаса, а 23 июня семья Ефима бежала из города. Все пятеро человек в семье вышли из дома налегке и отправились пешком по проспекту Красной Армии, ведущему напрямую в Вильнюс. Многие на тот момент полагали, что война не продлится дольше нескольких дней, и что по истечении этого времени можно будет вернуться назад в Каунас. Однако своего дома Ефим больше не видел никогда. Они вышли из города на восток, шли и днем, и ночью, под постоянно угрозой смерти из-за налетов немецкой авиации, которая расстреливала людей с самолетов. Ночью немцы бросали осветительные бомбы, чтобы цель была виднее. Во время налета люди бежали

врассыпную в поля еще неубранной ржи, пытаясь спастись от пулеметного огня. Больше спрятаться было негде. Ефим Абрамович рассказывает, как он научился избегать бомб: «нужно было бежать в сторону бомбы, а не от нее, потому что она летит по наклону».

В районе города Йонова (в 30 километрах от Каунаса) беженцы увидели грузовик красноармейцев, следовавший в Вильнюс. Красноармейцы взяли многих беженцев в кузов, включая Ефима и его семью. Через какое-то время грузовик остановил молодой парень и спросил на идише, есть ли в машине комсомольцы. Илья спрыгнул с машины, и Ефим потянулся за ним. Парень сказал, что собирается группа комсомольцев из Каунаса для перехода на российскую территорию по другой дороге, поскольку ходили слухи, что через старую границу пропускают только партийных и комсомольцев. Матери Ефима было сложно отпустить сыновей, но она приняла уговоры отца, что у детей будет больше шансов спастись, если они пойдут с группой комсомольцев. Ефим с Ильей попрощались с родителями и сестрой и пошли в лес, где собиралась группа общей численностью около 30 человек. Среди них оказался бывший школьный товарищ

Ефима по имени Шмерл (Борис).

Идти было очень сложно: шли по карте днем и ночью, было очень жарко, все время налетали немецкие самолеты. При каждом налете они бросались на землю, затем старший вставал и давал команду идти дальше. Если кто-то не поднимался или после ночного привала не просыпался вовремя, их не ждали. Группа таяла, но Ефим и брат держались. Ефим всегда следил за братом, чтобы он не отставал. Рассказывая об Илье, Ефим Абрамович вспоминает историю из детства: однажды они переплывали реку Вилию (Нярис), и брат вдруг начал захлебываться и тонуть, и Ефим его спас. С тех пор он всегда присматривал за братом, несмотря на то, что был младше.

На третий день похода они пересекли бывшую границу и шли дальше через лес. Вокруг постоянно слышалась стрельба и разрывы снарядов. В какой-

то момент группа наткнулась на отряд Красной Армии, перевозивший раненых, потом к ним примкнула еще новая группа партизан. Вместе они пробивались дальше, пытаясь не нарваться на немцев. Раненых везли на телегах, которые постоянно застревали в мокром песке. Люди держались за телегу, чтобы не упасть, и бежали вместе с лошадьми. Когда группа наконец вышла из леса, от первоначального состава каунасских комсомольцев оставалось только 13 человек.

Группа продолжала двигаться на восток по Полоцкой области (Беларусь) и пришла в какой-то городок, где в центре города шла эвакуация архивов. Старший группы попросил администрацию, чтобы они довели их до следующего районного центра в 30 км от того места. Красноармейцы, грузившие архивы, сначала отказались, сославшись на то, что везут секретные документы, но потом согласились взять двух младших из группы: Ефима и Бориса. Это был последний раз, когда Ефим видел своего старшего брата. Он знает только, что группа, в составе которой был брат, дошла до Полоцка, что Илья заболел тифом и был направлен в больницу в Средней Азии и умер там. Но об этом он узнал уже после войны.

Ефим с Борисом поехали с красноармейцами в кузове грузовика. Когда они добрались до следующего городка, оказалось, что его уже разбомбили. Ребята хотели дожидаться там свою группу каунасских комсомольцев, но красноармейцы убедили их идти дальше, так как в любую минуту могли появиться немцы. Им посоветовали прямую дорогу до Полоцка, чтобы не заблудиться, и объяснили направление: мальчики должны были идти до следующего городка, перейти через Западную Двину и идти по шоссе прямо до Полоцка.

Дойдя до указанного городка, ребята не смогли найти мост. Городок стоял на плоской местности, и ни реки, ни моста не было видно. Они увидели на улице военного и решили спросить, не знает ли он, как выйти к мосту через Двину. Спрашивал товарищ Ефима, который, в отличие от него, знал пару слов по-русски. Военный посмотрел на них подозрительно, вытащил пистолет и сказал: «Кругом, шагом марш! Я вас сейчас в штаб отведу». Напуганные, они последовали за ним. К ним навстречу вышел другой офицер и спросил: «Куда ты гонишь этих мальчиков?» В ответ первый офицер объяснил, что подозревает, что они немецкие шпионы: «Какие они

мальчики?! У них такие сейчас летают. Мост им нужен, понимаете ли!» Однако, второй офицер вступился за мальчишек, поверив им, что они пионеры из Каунаса и что они потерялись, но военный, ведущий их в штаб, не поверил и повел их дальше. Ефим и Борис продолжили идти, не оборачиваясь, так как офицер им запретил, но когда через пару минут они все-таки обернулись, то увидели, что ни одного из офицеров рядом больше не было. Они выдохнули и решили, что после случившегося будут искать мост самостоятельно, не задавая вопросы.

Борис был одет в хороший костюм военного покроя, сшитый отцом: у него были сапожки, галифе, френч («как военная форма получилась»), а Ефим был одет как школьник – в синеньких шортах, светлой майке и полуботинках. За три дня ходьбы полуботинки натерли ноги так, что он мог идти только с большим трудом. К концу третьего дня ходьбы они наткнулись на домик на хуторе. Они смертельно устали и испытывали страшную жажду и решили постучались в дом. Мальчики рассказали хозяйке дома, что они пионеры из Каунаса, потерявшие своих товарищей, и она оставила их переночевать у себя, накормила и утром

отвела к мосту. Ефим шел дальше уже в носках, перекинув ботинки через плечо.

Как им и говорили, от моста шло шоссе прямо до Полоцка. Однако, к концу четвертого дня они не дошли до города, так как шли очень медленно, уставшие от длинных переходов и от мозолей на ногах. Тогда они снова постучались в первый попавшийся дом, и их снова пустили переночевать, накормили и напоили. Ефиму дали бинтик перевязать разбитые в кровь ноги, он сделал перевязку и продолжил идти дальше в дырявых носках.

На следующее утро мальчики снова отправились в путь, до Полоцка оставалось 25 км. Через несколько часов они дошли до Полоцка. Там на железнодорожной станции они увидели

открытые железнодорожные платформы, которые шли на восток. Они влились в поток других беженцев и сели на один из этих эшелонов. Эшелон шел медленно, подолгу останавливаясь, чтобы пропустить военные поезда. Через какое-то время они доехали до большой узловой станции Рузаевка в республике Мордовия. Увидев откормочный совхоз для лошадей, мальчишки решили сойти. Они попросились на работу в совхоз в обмен на еду. Как оказалось, директор совхоза был еврей и был каким-то образом связан с Каунасом. Он приютил маленьких земляков на пару дней. Мальчишки помогали ему купать и кормить лошадей.

Директор оформил им билеты и посадил на пассажирский поезд по направлению в Среднюю Азию, а его жена напекла в дорогу булочки. Однако, так как пассажирские поезда двигались очень медленно, их запас еды иссяк очень быстро, и часть пути они ехали голодные. До Средней Азии они не доехали, а вернулись обратно в Рузаевку. Им подсказали обратиться в Горсовет, так как там помогают распределить детей без родителей по детским домам. Председатель горсовета обещал найти им жилье, а осенью определить их в школу.

Таким образом, Ефим с Борисом оказались в детском приемнике в Саранске. Там они познакомились с другими литовскими детьми. Их всех определили в Краснослободский детский дом, располагавшийся в здании бывшей школы политпросвета. Ефим вспоминает, как холодно и голодно было в детском доме: чаще всего детей кормили картошкой в мундире и солеными огурцами, и изредка давали котлеты. Осенью ребята пошли в школу в Краснослободске. У Ефима был выбор: идти в седьмой или в шестой класс. В Литве он закончил шесть классов, но по-русски говорил очень плохо. Он решил идти в шестой класс. Школа представляла собой одноэтажное деревянное здание. Каждый день, рано утром, туда приходил старичок и топил печку, чтобы к началу уроков в здании было теплее. По утрам Ефим добежал из детдома до школы и грел у печки ноги, разговаривая с этим старичком на ломаном русском.

В ноябре в Краснослободск прибыли эвакуированные дети из смоленского детдома. Это были «настоящие беспризорники», по словам Ефима, и начались тяжелые времена: новые «блатные» воспитанники детского дома выносили белье и простыни на базар и

обменивали их на продукты. Многие ложились спать в одежде, чтобы ночью не украли белье. Ефим, например, клал брюки под деревянную доску на кровати. К счастью, к Ефиму особо не приставали, потому что он помогал атаману «беспризорников» в учебе. Первая зима Ефима в Краснослободске была очень тяжелой: не было ни зимней одежды, ни обуви. Всю зиму он ходил в тех самых полуботинках, в которых летом ранее бежал из дома. Из-за огромного количества воспитанников в детдоме, всех, кто плохо учился, отправляли в школу фабрично-заводского обучения. Туда попал и Борис, товарищ Ефима. Тех же, кто помимо плохой учебы, отличался плохим поведением, отправляли в детские дома для трудновоспитуемых.

Летом 1942 года всех детей из Литвы перевели в особый литовский детдом в мордовский городок Инсар. Летом дети работали на полях на машинно-тракторных станциях. Там, в Инсаре, при МТС Ефима приняли в комсомол. Осенью Ефим пошел в седьмой класс. К тому времени он уже прилично овладел русским языком, и для него уже не делали никаких поблажек, как раньше.

Многие в детдоме переписывались с

детьми из других городов Литвы, распределенных по разным детдомам. От одного из них Ефим узнал о городе Дебёсы в Удмуртской республике, где находился самый большой литовский детский дом, в котором живет один из его лучших друзей. Он попросился, чтобы его перевели в Дебёсы, и в конце 1942 года его отправили в этот детдом. Там ему выдали пальто и валенки, и жить стало полегче. В Дебёсах Ефим закончил седьмой класс, стал секретарем комсомола и пошел уже в восьмой класс. Летом 1944 года, после освобождения Вильнюса, началось обратное путешествие Ефима домой, в Литву.

Возвращение в Литву

К концу 1944 года детский дом в Дебёсах начал готовиться к отъезду в Литву. В декабре 44-ого в Литву поехали 300 человек: воспитанники, учителя и персонал. Несмотря на условия, учеба не прекращалась ни на день: учителя вели занятия в вагонах, дети делали домашние задания. Наконец, после месяца пути, 22 января они приехали в Вильнюс. Половина детей в детском доме были литовцы, половина - евреи. На

Вильнюс, 1944

вокзале в Вильнюсе только литовских детей встречали родители; евреев практически не было в городе. Вильнюс был разгромлен практически полностью, и еврейских детей из Дебёсов поместили в здание монастыря в одном из старейших районов города Антакальнис. Они спали на травяных матрасах, питались по талонам в столовой. Дети из западных районов Литвы стремились добраться до своих городов, чтобы воссоединиться с семьей или, по крайней мере, узнать о родных.

Однажды Ефиму сообщили, что на вокзал прибыл поезд из Инсара, который вез детей из того детского дома, в котором раньше жил и Ефим. В поезде были дети из Каунаса, и Ефим решил поехать с ними в родной город. Все его имущество на тот момент состояло лишь из фанерной коробочки с книжками и дневниками на идише, которые

он вел в детском доме. В Каунасе их поместили в старый еврейский детский дом. Там работала поварихой женщина-литовка, с которой Ефим был знаком. У нее были две дочки-школьницы, и Ефим вместе со своим товарищем Левой Водоносом (с которым он подружился еще в Инсаре) помогали им с учебой. Повариха взяла Ефима и Леву к себе и поселила их в одной из комнат в своей квартире. Через некоторое время после приезда в Каунас Ефим заболел малярией: высокая температура держалась целую неделю. Ему не терпелось поскорее добраться до своего дома, и как только он выздоровел, он сразу же побежал к дому, где его семья жила до войны. Нижний этаж здания занимала скобяная лавка, а на втором этаже были квартиры. Дверь квартиры открыла молодая женщина. Он объяснил ей, что до войны в этой квартире жила его семья, и что он пытается их найти, но женщина жила в этой квартире всего пару месяцев, и ничем не могла ему помочь. Он попросил разрешения пройтись по квартире. В квартире все изменилось, и не было мебели его семьи.

Ефим стал думать, где искать семью дальше, и вспомнил, что в соседнем доме жила сторожиха, которая убирала

двор. Он помнил, что у нее была дочка его возраста, с которой он играл в детстве. В доме, где она жила, ему указали на дом напротив. Он очень волновался, и когда сторожиха открыла дверь, она сначала его не узнала, но уже через несколько секунд закричала: "Хаимас!" - обняла его и расплакалась. Сторожиха рассказала ему про судьбу его родителей. Родители с сестрой не успели добежать до Вильнюса и вернулись в Каунас, где его отец был сразу же арестован фашистами и расстрелян в тюрьме. Мать и сестра, как и все евреи Каунаса, переместились в гетто, где немцы часто проводили «очистительные» акции. Они выжили только благодаря одному из местных полицейских, который до войны жил в одном доме с Миллерами. Во время одной из «селекций» в гетто, когда решали, кого убить, а кого оставить, он сказал, что мать Ефима – его жена, и тем самым спас ее от смерти. Сторожиха также сказала, что видела маму и сестру живыми после большой акции 1944 года, когда быстрое продвижение советских войск на запад побудило немцев лихорадочно ликвидировать последние гетто и рабочие лагеря и заметать следы совершенных ими преступлений. Так появилась надежда, что мать и сестра остались живы и, что, возможно, они, как

многие другие выжившие гетто литовские евреи, были отправлены в какой-нибудь немецкий лагерь. В то время как раз начали возвращаться узники из концлагерей, и дети каждое утро бегали на вокзал, смотреть на вернувшихся.

Жизнь после войны

Надежды оправдались: 16 мая 1945 года мама и сестра вернулись из концлагеря Штуттгоф, расположенный на территории оккупированной Польши. Вот как произошла встреча Ефима с мамой и сестрой: «евреев, возвращающихся из немецких лагерей, поселяли в большой хоральной синагоге в Каунасе на первое время, пока они не устраивались сами. Возвратившиеся спрашивали про своих детей, когда приезжали в синагогу. Ребята из детского дома бегали к синагоге в надежде найти своих. Однажды в мае ребята из детского дома прибежали и сказали, что ко мне кто-то приехал из Германии. А это была мама. Она спросила детей, которые пришли в синагогу, не знают ли они Хаима Миллера, дети сказали, что они знают только Фиму Миллера, и она попросила его

позвать. Я побежал к синагоге, и ко мне навстречу бежали другие дети, в том числе моя сестра. Я ее сразу узнал, несмотря на то, что на ее голове был повязан платок: она переболела тифом, и ее постригли наголо. Мама кричала "Mein Kind! Mein Kind!" - и все плакали».

Повариха, у которой жили Ефим с Левой, приняла у себя и маму с сестрой. Осенью Йента сказала, что больше не может жить в Каунасе: слишком много печальных воспоминаний, и они уехали в Вильнюс. В городе было очень много пустующих квартир, даже несмотря на обильные разрушения, но получить или купить квартиру у семьи не было возможности. В конце концов, они нашли полуподвальное помещение размером в одну комнату в большом каменном доме в центре Вильнюса, в котором не было отопления. Они топили железной печкой, для растопки которой дети собирали щепки или дрова. На восстановлении Вильнюса работало много пленных немцев, у которых они выпрашивали дрова, щепки, а иногда и просто тащили деревяшки по ночам.

Семья Ефима узнала, что брат матери Лейзер с семьей погиб от рук литов-

ских националистов. Они тоже бежали от немцев 23 июня, наспех собрав с собой все самое ценное. Однако на выезде из Вижуноса литовцы остановили их лошадь, окружили и зарубили всю семью. Ефим также узнал, что в драке с литовцами трагически погиб Борис, его товарищ, с которым они вместе бежали от немцев в 1941, пробрались в тыл и жили в детском доме.

До войны Йента работала портнихой и главной закройщицей на большой фабрике в Каунасе. В Вильнюсе, чтобы заработать, она обшивала людей на дому. Через какое-то время семья Ефима нашла младшую сестру мамы и ее мужа. Дядя был известным дамским портным до войны, и по его рекомендации Йенту со временем приняли в швейную мастерскую при Совете министров. Сестра Ханна (Геня) пошла учиться в школу рабочей молодежи, чтобы закончить среднее образование. Ефим окончил среднюю школу в Вильнюсе и поступил в Московское высшее техническое училище (МВТУ) им. Баумана. Изначально Ефим хотел поступать на специальность двигателя внутреннего сгорания вместе со своим другом Имой Левитаном, но на данном факультете был лимит на общежития, и приемная комиссия предложила ему

идти на факультет тепловозостроения. Поскольку Ефим закончил школу с золотой медалью, ему не нужно было сдавать вступительные экзамены. Позднее Ефим понял, что сделал правильный выбор, так как эта специальность была намного шире, они изучали множество разных предметов, включая железнодорожное дело.

*Семья и
профессиональная
жизнь*

На первом курсе Има Левитан заболел туберкулезом позвоночника, его положили в больницу. Его родители попросили своих знакомых, живущих в Москве, присматривать за Имой, и во время одного из посещений Ефим познакомился с дочерью этих знакомых, Лидой (Лидия Григорьевна Брук). Лида и Ефим начали встречаться, через три года поженились, а потом в семье родились дочь Лена и сын Олег.

Закончив МВТУ в 1953 году, Ефим ждал распределения на работу. Ефим Абрамович утверждает, что при распределении тогда учитывали национальный признак: русские имели возможность выбрать и ехать работать

по специальности. Ефим распределялся последний, ему просто объявили, что государственная комиссия направляет его в город Муром на паровозостроительный завод. Он пытался спорить с комиссией, потому что его специальностью было тепловозостроение, а его посылали на паровозостроительный завод. В ответ ему сказали, что у него «широкий профиль».

Однако после смерти Сталина в государстве начались перемены, полномочия министерств менялись, и недовольные своим распределением выпус-

Ефим в студенческие годы

кники могли просить изменить им место распределения. Многие хотели остаться в Москве или окрестностях, но Ефим, как идеалист, хотел получить работу по специальности. На его удачу, в Москву как раз приехал заместитель главного конструктора по танковым дизелям Челябинского Кировского завода, известного под названием «Танкоград», чтобы выбрать десять выпускников МВТУ для работы в Челябинске. Ефим решил, что упускать такую возможность нельзя, особенно учитывая то, что в Челябинске жил его друг из института. Как оказалось, один из выпускников МВТУ хотел отказаться от должности в Челябинске и остаться в Москве. Ефим договорился с ним поменяться назначениями и, таким образом, получил направление на Челябинский тракторный завод мастером.

Когда на заводе увидели его квалификацию, вместо работы мастером его направили в специальное конструкторское бюро № 75, которое возглавлял известный конструктор-моторостроитель Иван Яковлевич Трашутин. В этом КБ Ефим начал работать конструктором в отделе танковых дизелей и проработал там всю жизнь. Он всегда любил свою профессию и очень гордится своими достижениями: работой

над газотурбинными двигателями для танков.

Ефим с семьей жили в Челябинске вплоть до эмиграции в США. Лидия Григорьевна работала учителем английского языка в школе. Когда Ефим Абрамович вышел на пенсию, он продолжал работать – почтальоном по доставке телеграмм.

Эмиграция

В 1971 году дочь Лена эмигрировала в Израиль вместе с мужем Михаилом и

Ефим Абрамович с супругой

дочкой Лианой, которой на тот момент было полтора года. Муж Лены был прекрасным скрипачом, но его не брали на работу из-за национальности. Михаилу сделали специальный вызов от главного дирижера оркестра в Израиле, и по приезду дали должность главного дирижера оркестра израильского телевидения и радио. В 1973 семья Лены переехали в США. В Америке у них родился сын Саша. Ефим Абрамович очень переживал, что не мог навещать свою дочь, что пропустил бар-мицу своего внука. Его не пускали в США даже как туриста, так как его работа на тракторном заводе была связана с государственными тайнами.

В 1994 году сын Олег вместе с женой и двумя детьми, Катей и Денисом, тоже эмигрировал в США, и через полгода после его отъезда Ефим Абрамович и Лидия Григорьевна приняли решение воссоединиться с детьми. Ефиму Абрамовичу было 67 лет на момент эмиграции.

В Америке Ефим решил учиться дальше и поступил в муниципальный колледж в г. Роксбери (Roxbury community college) на специальность английский язык и компьютерные науки. Учиться Ефиму было несложно, он

Ефим Абрамович с супругой

неплохо знал английский (в отличие от внучки, у которой был культурный и языковой шок). Он хотел быть примером для внуков и показать им, что никогда не поздно начинать учиться. После окончания колледжа Ефим Абрамович поступил в Массачусетский университет в Бостоне и в 2006 получил степень бакалавра по специальности управление информационными системами. В университете он также изучал европейскую историю и общество. Во время учебы Ефим Абрамович работал в компьютерной лаборатории (work-study), а также работал летом в бизнес-офисе колледжа в Роксбери. Лидия Григорьевна какое-то время работала в библиотеке.

В заключение

Ефим был и пионером (в составе первой пионерской группы Литвы), и комсомольцем, и со временем вступил в ряды Коммунистической партии. Он верил в партию и хотел участвовать в большом деле, но постепенно разочаровался в советском партийном бюрократизме, и вышел из партии, написав заявление, в котором публично объяснил причины ухода.

Ефим Абрамович считает, что самое главное в жизни – это уметь позитивно смотреть на мир и никогда не сдаваться. Он все всегда делал с желанием и старался выполнять все обещания. Он считает, что если делать работу, ее надо делать хорошо.

Ефим Абрамович с Даней, 2018

Ссылки

<http://smolbattle.ru/threads/Вильнюс-путешествие-в-прошлое.32348/>

https://ria.ru/defense_safety/20170622/1497054913.html

https://гцсп.мвд.рф/struktura/istoriya/75gcsp/75gcsp_4

For more information about the Oral Histories Project, please visit
<http://www.brandeis.edu/departments/grall/russian>
or contact us at grall@brandeis.edu

Hebrew
Rehabilitation Center
Hebrew SeniorLife

HARVARD MEDICAL SCHOOL
AFFILIATE

Brandeis University